

Обзор практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека

№ 2 (2021)

Содержание:

В сфере административно-правовых отношений.....	2
<i>право на свободу и личную неприкосновенность.....</i>	<i>2</i>
<i>практика Европейского Суда по правам человека.....</i>	<i>2</i>
<i>право на беспристрастное судебное разбирательство при рассмотрении дела об административном правонарушении.....</i>	<i>3</i>
<i>практика Европейского Суда по правам человека.....</i>	<i>3</i>
<i>запрет дважды привлекаться к ответственности за одно и то же административное правонарушение.....</i>	<i>4</i>
<i>практика Европейского Суда по правам человека.....</i>	<i>4</i>
<i>право на свободу выражения мнения.....</i>	<i>9</i>
<i>практика Европейского Суда по правам человека.....</i>	<i>9</i>
<i>право на свободу собраний (прекращение проведения собрания (флешмоба) сотрудниками правоохранительных органов, привлечение лица к административной ответственности).....</i>	<i>15</i>
<i>практика Европейского Суда по правам человека.....</i>	<i>15</i>
В сфере гражданско-правовых отношений.....	23
<i>право на получение компенсации вследствие незаконного лишения свободы.....</i>	<i>23</i>
<i>практика Европейского Суда по правам человека.....</i>	<i>23</i>
<i>право на свободу выражения мнения (вопросы привлечения лица к гражданско-правовой ответственности за клевету).....</i>	<i>24</i>
<i>практика Европейского Суда по правам человека.....</i>	<i>24</i>
В сфере гражданско-процессуальных отношений.....	29
<i>право на доступ к суду (нерассмотрение судом требований о компенсации вреда, причиненного вследствие несоблюдения надлежащих условий содержания заявителя под стражей).....</i>	<i>29</i>
<i>практика Европейского Суда по правам человека.....</i>	<i>29</i>
В сфере уголовных и уголовно-процессуальных отношений.....	29
<i>запрет пыток, иного недопустимого обращения (применение насилия в отношении участников собрания; вопросы проведение эффективного расследования указанных случаев).....</i>	<i>29</i>
<i>практика Европейского Суда по правам человека.....</i>	<i>29</i>
<i>право на свободу и личную неприкосновенность (лишение свободы согласно закону, несвоевременное составление сотрудниками полиции протокола о задержании).....</i>	<i>33</i>
<i>практика Европейского Суда по правам человека.....</i>	<i>33</i>
<i>право на свободу выражения мнения (право собирать и распространять информацию, в том числе о предположительно незаконном поведении государственного служащего).....</i>	<i>33</i>
<i>практика Европейского Суда по правам человека.....</i>	<i>33</i>

В силу пункта 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 года № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» «толкование международного договора должно осуществляться в соответствии с Венской конвенцией о праве международных договоров от 23 мая 1969 года¹ (раздел 3; статьи 3–33). Согласно пункту «b» части 3 статьи 31 Венской конвенции при толковании международного договора наряду с его контекстом должна учитываться последующая практика применения договора, которая устанавливает соглашение участников относительно его толкования».

В целях эффективной защиты прав и свобод человека судам необходимо при рассмотрении административных, гражданских дел, дел по разрешению экономических споров, уголовных и иных дел учитывать правовые позиции, сформулированные межгосударственными органами по защите прав и свобод человека².

В сфере административно-правовых отношений

право на свободу и личную неприкосновенность

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступили неофициальные переводы постановлений Европейского Суда по правам человека³ по жалобам № 72051/17 «*Корнеева против Российской Федерации*» (вынесено 8 октября 2019 года и вступило в силу 24 февраля 2020 года) и № 17054/08 «*Гремина против Российской Федерации*» (вынесено 26 мая 2020 года, вступило в силу 26 августа 2020 года), которыми установлены нарушения пункта 1 статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года⁴ в связи с административным доставлением участвовавших в публичном мероприятии заявителей в отделение полиции и их задержанием (более подробная информация по делу «*Корнеева против Российской Федерации*» изложена ниже).

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобе № 10252/10 «*Басок против Российской Федерации*» (вынесено и вступило в

¹ Далее – Венская конвенция.

² В рамках настоящего *Обзора* понятием «межгосударственные органы по защите прав и основных свобод человека» охватывается Европейский Суд по правам человека.

³ Далее так же – Европейский Суд, Суд.

⁴ Далее – Конвенция.

силу 24 марта 2020 года), которым установлены нарушения пунктов 1 и 5 статьи 5 Конвенции ввиду незаконного лишения свободы заявителя, пытавшегося принять участие в публичном мероприятии, а также в связи с невозможностью получения заявителем компенсации вреда, причиненного вследствие незаконного лишения свободы (более подробная информация по делу изложена ниже).

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобе № 4505/08 *«Сокирянская и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 23 июня 2020 года), которым установлено нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции вследствие незаконного административного задержания ряда заявителей.

Как утверждали заявители, в полночь 16 октября 2006 года они были доставлены к мировому судье, который зачитал им протоколы об их задержании, составленные полицейскими. В протоколах отмечалось: заявители участвовали в пикете и отказались выполнить распоряжение сотрудников полиции и покинуть место собрания, что являлось административным правонарушением, предусмотренным статьей 20.2 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации⁵. Заявители опротестовали эти протоколы. Заявителей освобождали с 12:30 до 13:30 17 октября 2006 года. Впоследствии слушание было отложено до 31 октября 2006 года. 31 октября 2006 года мировой судья прекратил административное производство в отношении указанных заявителей на том основании, что правонарушения совершено не было.

*право на беспристрастное судебное разбирательство при рассмотрении
дела об административном правонарушении*

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобе № 72051/17 *«Корнеева против Российской Федерации»* (вынесено 8 октября 2019 года и вступило в силу 24 февраля 2020 года), которым установлено нарушение статьи 6 Конвенции из-за несоблюдения права заявителя на беспристрастное судебное разбирательство по делу об административном правонарушении (более подробная информация об этом деле изложена ниже).

⁵ Далее – КоАП РФ.

*запрет дважды привлекаться к ответственности за одно и то же
административное правонарушение*

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобе № 72051/17 *«Корнеева против Российской Федерации»* (вынесено 8 октября 2019 года и вступило в силу 24 февраля 2020 года), которым установлены нарушения пункта 1 статьи 5 Конвенции в связи с административным доставлением заявительницы в отделение полиции и ее задержанием, статьи 6 Конвенции из-за несоблюдения права заявительницы на беспристрастное судебное разбирательство по делу об административном правонарушении, статьи 4 Протокола № 7 к Конвенции ввиду нарушения запрета не привлекаться дважды к ответственности за одно и то же административное правонарушение.

Заявительница жаловалась, что процедуры административного доставления и административного задержания, примененные к ней, нарушали пункт 1 статьи 5 Конвенции.

Суд обратил внимание на то, что использование процедуры доставления являлось законным согласно российскому законодательству, а именно – части 1 статьи 27.2 КоАП РФ, когда невозможно составить протокол об административном правонарушении на месте, где было выявлено такое правонарушение. Ни один из документов, составленных на национальном уровне (например, протокол о доставлении, рапорты полицейских, протокол об административном правонарушении и судебные постановления), по мнению Суда, не пояснял фактические и правовые элементы, которые могли бы обосновать, почему протокол о совершении правонарушения не мог быть составлен на месте. Замечания властей в Суде не пролили свет на эти моменты, кроме упоминания того, что на месте проведения митинга было «много других участников» или ссылки на активное поведение заявителя во время митинга. Отсутствовали основания сомневаться в мирном поведении заявительницы. Кроме того, в протоколе о доставлении не упоминалась какая-либо доказуемая установленная законом цель, которая могла бы оправдать на основании российского законодательства обращение к процедуре административного доставления лица (пункт 34 постановления).

Что касается использования процедуры задержания после доставления заявительницы в отделение полиции, Суд отметил – цель составления протокола об административном правонарушении более не оправдывала (с учетом российского законодательства) продолжающееся лишение свободы, как только эта цель была достигнута. Относительно цели «своевременного и правильного рассмотрения дела», упоминаемой в протоколе задержания, то оставался неизменным факт того, что КоАП РФ

требовал, чтобы данная мера была обоснована ссылкой на «исключительные» обстоятельства. На национальном уровне или, по крайней мере, в Суде такие обстоятельства не были приведены. Ничто не говорило о существовании риска того, что заявительница будет повторно оскорблять, подделывать доказательства, влиять на свидетелей или скрываться от правосудия. Это стало бы аргументом в пользу продолжения содержания ее под стражей. Даже если эти соображения могли считаться «исключительным случаем», упомянутым в части 1 статьи 27.3 КоАП РФ, в качестве обоснования для избежания чрезмерного и произвольного обращения к процедуре административного задержания, то в материалах дела не содержалось ничего, что привело бы Суд к выводу: такие соображения были обдуманными и оправдывали лишение заявителя свободы после 22:00 12 июня 2017 года до ее освобождения примерно в 20:00 13 июня 2017 года (пункт 35 постановления).

Заявительница жаловалась на нарушение статьи 6 Конвенции ввиду отсутствия стороны обвинения на судебных слушаниях.

Что касается требования объективной беспристрастности, Суд указал следующее – ранее он рассматривал этот вопрос и обнаружил нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции по причине отсутствия стороны обвинения в процессе при рассмотрении дела об административном правонарушении. Суд отметил, что фактические и правовые обстоятельства настоящего дела и дела *Карелина* являются схожими. Замечания сторон в данном деле не содержали оснований для отклонения Суда от аргументации, приведенной в вынесенных им ранее постановлениях. Следовательно, имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции в отношении требования к объективной беспристрастности (пункт 42 постановления).

Заявительница утверждала, что признание ее виновной в двух правонарушениях являлось нарушением пункта 1 статьи 4 Протокола № 7 к Конвенции.

Суд повторил – гарантии, предусмотренные пунктом 1 статьи 4 Протокола № 7 к Конвенции, вступают в действие в отношении нового или еще одного судебного преследования, если предыдущий оправдательный или обвинительный приговор уже вступил в законную силу (пункт 48 постановления).

Задача статьи 4 Протокола № 7 к Конвенции, по мнению Суда, – предупредить проявление несправедливости, когда лицо привлекается к ответственности или наказывается дважды за одно и то же преступное деяние. Однако эта статья не запрещает правовые системы, в которых применяется «интегрированный» подход к рассматриваемому правонарушению и, в частности, подход, когда параллельно осуществляются этапы законодательного урегулирования правонарушения разными органами власти и для разных целей» (пункт 49 постановления).

Суд резюмировал, что статью 4 Протокола № 7 к Конвенции следует понимать как запрет на уголовное преследование, а равно и на судебное разбирательство в части, касающейся вторичного «правонарушения», если они вытекают из идентичных фактов или из фактов, которые являются, по сути, теми же самыми (пункт 55 постановления).

Государства, продолжил Суд, «должны иметь возможность на законных основаниях выбрать дополнительные законодательные меры в отношении поведения, оскорбительного для общества (например, несоблюдение правил дорожного движения или неуплата/уклонение от уплаты налогов), посредством различных процедур, составляющих единое целое для урегулирования различных аспектов рассматриваемой социальной проблемы, при условии, что суммарные законодательные меры не накладывают чрезмерное бремя на соответствующее лицо... В делах, касающихся вопроса согласно статье 4 Протокола № 7 к Конвенции, следует определить, предусматривает ли конкретная внутригосударственная мера, на которую подана жалоба, привлечением к ответственности за одно и то же преступление во вред подсудимому или, напротив, является ли это продуктом интегрированной системы, позволяющим урегулировать различные аспекты правонарушения предсказуемым и пропорциональным образом, составляющим единое целое, так что соответствующее лицо не страдает от несправедливости...» (пункт 56 постановления).

Статья 4 Протокола № 7 к Конвенции, подчеркнул Суд, «не исключает проведение двойного судебного разбирательства, при условии выполнения определенных условий. В частности, для того чтобы Суд убедился в том, что отсутствует дублирование судебного разбирательства или наказания, как предписано статьей 4 Протокола № 7 к Конвенции, государство-ответчик должно продемонстрировать убедительным образом следующее – оба судопроизводства, о которых идет речь, «достаточно тесно связаны между собой по существу и по времени». Другими словами, необходимо доказать, что они объединены интегрированным образом и составляют единое целое. Это подразумевает не только то, что преследуемые цели и используемые средства для их достижения должны, по сути, дополнять друг друга и быть связанными во времени, но и возможные последствия организации правовой оценки рассматриваемого поведения, таким образом, должны быть предсказуемыми и пропорциональными для затрагиваемых лиц... Что касается условий, подлежащих выполнению для того, чтобы двойное уголовное и административное производства считались достаточно связанными по существу и по времени и, таким образом, сопоставимыми со [статьей] 4 Протокола № 7 к Конвенции, к существенным факторам для определения наличия достаточно тесной связи по существу разбирательства относятся ответы на следующие вопросы:

– преследуют ли различные судебные разбирательства дополняющие друг друга цели и, таким образом, рассматривают, не только отвлеченно, но

также и фактически, различные аспекты соответствующего социального поведения;

– являлись ли двойные судебные разбирательства прогнозируемым последствием (как по закону, так и на практике) такого же оспариваемого поведения (*idem*);

– проводились ли соответствующие раунды судебных разбирательств таким образом, чтобы максимально возможно избежать дублирования в сборе, а также в оценке доказательств (в особенности посредством надлежащего взаимодействия между различными компетентными органами) с целью обеспечить, чтобы установленные факты в ходе одного раунда использовались также в другом раунде;

– и, самое главное, было ли наказание, наложенное в ходе судопроизводства, которое закончилось первым, принято во внимание в ходе последующего судопроизводства, чтобы соответствующее лицо в конце концов не понесло чрезмерного бремени; этот последний риск наименее вероятен, когда действует механизм взаимозачета, обеспечивающий пропорциональность общей суммы наложенных наказаний» (пункт 57 постановления).

В первую очередь Суд обратил внимание на то, что согласно КоАП РФ никто не может нести административную ответственность дважды за одно и то же административное правонарушение. Производство по делу об административном правонарушении в соответствии с КоАП РФ не может быть начато, а начатое производство подлежит прекращению при отсутствии состава административного правонарушения или при наличии постановления о назначении административного наказания, либо постановления о прекращении производства по делу об административном правонарушении по одному и тому же факту совершения противоправных действий лицом, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, предусмотренном той же статьей КоАП РФ.

Суд принял во внимание позицию, занятую Пленумом Верховного Суда Российской Федерации в июне 2018 года⁶, касающуюся двойных

⁶ Согласно пункту 33 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 июня 2018 года № 28 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при рассмотрении административных дел и дел об административных правонарушениях, связанных с применением законодательства о публичных мероприятиях» «[у]частником публичного мероприятия для целей статьи 20.2 КоАП РФ является гражданин, в том числе член политической партии, член или участник другого общественного, религиозного объединения, добровольно участвующий в таком мероприятии и реализующий права, предусмотренные частью 2 статьи 6 Закона о публичных мероприятиях, например, участвующий в обсуждении и принятии решений, использующий различную символику и иные средства публичного выражения коллективного или индивидуального мнения.

Судам следует иметь в виду, что нарушение участником мирного публичного мероприятия установленного порядка проведения публичного мероприятия, влекущее административную ответственность по части 5 статьи 20.2 КоАП РФ, может иметь место только в случае невыполнения (нарушения) участником публичного мероприятия

обвинений, выдвинутых согласно части 5 статьи 20.2 и части 1 статьи 19.3 КоАП РФ против участников демонстрации ввиду участия в публичном мероприятии и невыполнения распоряжения полиции прекратить такое участие (и разойтись). Основываясь на правиле *lex specialis*, Верховный Суд Российской Федерации указал, что в данном специальном контексте только привлечение к ответственности в соответствии с частью 5 статьи 20.2 было бы законным согласно российскому законодательству. Пленум Верховного Суда Российской Федерации, как отметил Европейский Суд, не полагался на принцип *ne bis in idem* в этой связи. Однако, по крайней мере, в одном из решений суд использовал вышеуказанное постановление Пленума, а также упомянул положение КоАП РФ, касающееся запрета на дублирование судебного преследования (пункт 60 постановления).

Что касается существа дела, Суд повторил: «пункт 1 статьи 4 Протокола № 7 следует понимать как запрет на уголовное преследование, а равно и на судебное разбирательство в части, касающейся вторичного «правонарушения», если они вытекают из идентичных фактов или из фактов, которые являются, по сути, теми же самыми... Суд также постановил, что подход, когда подчеркиваются правовые характеристики двух правонарушений, накладывает чрезмерные ограничения на права соответствующего лица и противодействует гарантии, предусмотренной пунктом 1 статьи 4 Протокола № 7... Следовательно, нельзя принять довод [в]ластей... о том, что дублирование судопроизводства в настоящем деле оправдано различными типами или областями защиты в отношении каждого

обязанностей (запретов), установленных частями 3, 4 статьи 6 Закона о публичных мероприятиях.

К числу таких обязанностей относится, в частности, необходимость выполнения всех законных требований сотрудников органов внутренних дел, военнослужащих и сотрудников войск национальной гвардии Российской Федерации. Невыполнение участником публичного мероприятия законных требований или распоряжений указанных представителей власти, а также воспрепятствование исполнению ими служебных обязанностей, связанных с обеспечением общественного порядка, безопасности граждан и соблюдением законности при проведении публичного мероприятия, подлежит квалификации по части 5 статьи 20.2 КоАП РФ, которая в данном случае является специальной по отношению к части 1 статьи 19.3 КоАП РФ.

Соккрытие участниками публичного мероприятия своего лица (его части), в том числе путем использования масок, средств маскировки, иных предметов, может составлять объективную сторону состава административного правонарушения, ответственность за которое установлена частью 5 статьи 20.2 КоАП РФ, в том случае, если данные предметы используются именно в целях затруднения определения их личностей.

Для установления наличия такой цели судьям следует учитывать используемые способы и средства маскировки, реагирование участников публичного мероприятия на замечания уполномоченных лиц и наступившие последствия (в том числе с точки зрения обеспечения безопасности и общественного порядка). При этом обстоятельства, на основании которых судья пришел к выводу о наличии у участника публичного мероприятия указанной выше цели, должны быть отражены в постановлении по делу об административном правонарушении».

правонарушения... Важно то, что имеется дублирование фактов, составляющих основу для судебного преследования заявительницы во втором раунде судебного разбирательства, и фактов, которые в целом являлись аналогичными и рассматривались в первом раунде судопроизводства». Суд отметил – в каждом раунде судопроизводства заявительницу обвиняли в участии в незаконном митинге, а именно: (i) в отказе выполнять распоряжение сотрудника полиции о прекращении участия в митинге (часть 1 статьи 19.3 КоАП РФ) и (ii) в неисполнении ее обязанности согласно Закону о публичных мероприятиях соблюдать распоряжения полиции, в настоящем деле – распоряжение прекратить ее участие в мероприятии (часть 5 статьи 20.2 КоАП РФ в совокупности со статьей 6(3) Закона о публичных мероприятиях). Как подтверждено Пленумом Верховного Суда Российской Федерации, такие обвинения являются взаимосвязанными и приводят к выводу, на основе российского законодательства, что допустимо только обвинение в соответствии с частью 5 статьи 20.2 КоАП РФ (пункт 62 постановления).

Учитывая собственную прецедентную практику в отношении пункта 1 статьи 4 Протокола № 7 к Конвенции, Суд заключил: заявительница была «привлечена к суду или наказана вновь», как только было вынесено окончательное постановление по одному из двух дел, в данном случае – как только было вынесено вступившее в законную силу решение в отношении фактов, которые, по существу, являлись аналогичными тем, которые лежали в основе первого судебного разбирательства. Поэтому заявительница была привлечена к ответственности и наказана дважды за одно и то же «правонарушение».

право на свободу выражения мнения

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобе № 34310/13 «*Мандригель против Российской Федерации*» (вынесено и вступило в силу 23 июня 2020 года), которым установлено нарушение статьи 10 Конвенции в связи с привлечением заявителя к административной ответственности за неповиновение законному распоряжению сотрудника полиции и за нарушение установленного порядка организации и проведения публичного мероприятия.

Заявитель утверждал, что власти отреагировали на его действия по выражению мнения незаконным и непропорциональным образом, в частности, они сочли его организатором группового мероприятия, которое проводилось без уведомления, и назначили наказание в виде штрафа в дополнение к ранее вынесенному наказанию в виде административного ареста на 15 суток, а также к его удалению с места проведения протеста.

Принимая во внимание характер и объем фактических и юридических доводов заявителя в ходе разбирательств на национальном уровне и в Суде, Суд счел, что вышеуказанная жалоба должна была быть рассмотрена с точки зрения статьи 10 Конвенции в ее толковании в свете прецедентной практики Суда, относящейся к статье 11 Конвенции.

Суд ранее уже отмечал, что, по его мнению, российская нормативно-правовая база, регулирующая публичные собрания, допускает широкое толкование того, что представляет собой собрание, нуждающееся в уведомлении, и предоставляет властям чрезмерно широкую свободу действий при наложении ограничений на такие собрания посредством применения принуждения.

Изучив имеющиеся в его распоряжении материалы, включая аргументацию национальных судов, Суд признал: имелись некоторые основания полагать, что заявитель организовал и провел собрание, которое могло подпадать под понятие «публичное мероприятие» согласно российскому законодательству и, следовательно, требовалось предварительное уведомление местного органа власти и, таким образом, его несоблюдение могло повлечь за собой ответственность по части 2 статьи 20.2 КоАП РФ. С учетом приведенных ниже выводов Суд не усмотрел необходимости в рассмотрении вопроса о том, было вмешательство в право заявителя на свободу выражения мнения (свободу собраний) «предусмотрено законом» или преследовало ли оно одну или несколько законных целей. Суд сосредоточил внимание на оценке того, было ли вмешательство «необходимо в демократическом обществе» (пункт 39 постановления).

Суд повторил: «объединениям и другим лицам, организующим демонстрации, важно, как участникам демократического процесса, придерживаться правил, регулирующих этот процесс, и соблюдать действующие положения закона, в частности те, которые касаются порядка предварительного уведомления... Государства могут налагать санкции на тех, кто не соблюдает эту процедуру. В то же время незаконная ситуация, такая как организация или участие в демонстрации без получения предварительного разрешения, сама по себе не оправдывает вмешательства в право человека на свободу собраний; отсутствие предварительного разрешения и вытекающая из этого «незаконность» мероприятия не дают карт-бланш властям, которые по-прежнему ограничены требованием пропорциональности согласно статье 11 [Конвенции]...» (пункт 40 постановления).

Как усматривалось из текста постановления, после региональных выборов заявитель решил публично выразить свое недовольство тем, как были проведены эти выборы. Для этой цели он выбрал определенную форму выражения мнения путем «оплакивания» честных выборов, держа в руках венки и зажженную свечу. Суд повторил: «помимо выражения посредством художественной работы, мнение также может быть выражено путем определенного поведения и может, как и в настоящем деле,

представлять собой выражение политических взглядов... Санкции, предусматривающие наказание в виде лишения свободы, налагаемые национальными органами власти за ненасильственное поведение, нуждаются в особенно тщательном изучении» (пункт 41 постановления).

Заявитель постоянно отрицал, что он организовал массовое мероприятие. Суды признали его виновным в совершении административного правонарушения в связи с организацией и проведением мероприятия без предварительного уведомления компетентного местного органа власти. Европейский Суд обратил внимание, что до этого заявитель уже был привлечен к ответственности в виде 15 суток ареста за неповиновение распоряжениям сотрудников полиции прекратить свои «противоправные действия» и пройти с ними в отделение полиции. Суд отметил – заявитель не был официально доставлен или арестован в соответствии с национальным законодательством. Таким образом, могли возникнуть сомнения относительно того, что являлось «неповиновением» «законному» распоряжению сотрудника полиции согласно статье 19.3 КоАП РФ (пункт 42 постановления).

Суд указал следующее – рассматриваемое мероприятие было относительно небольшим, проходило мирно и не нарушало общественный порядок. Не утверждалось, что заявитель каким-либо образом проявлял агрессивное поведение во время этого мероприятия или каким-либо другим образом нарушал мир или общественный порядок. Правонарушения, за совершение которых заявитель был привлечен к административной ответственности, не включали каких-либо дополнительных противозаконных элементов, связанных с «предосудительными действиями», такими как воспрепятствование движению, причинение вреда имуществу или акты насилия. Власти также не объяснили, почему они не позволили демонстрантам, включая заявителя, завершить собрание и не наложили на них разумный штраф на месте или позже (пункт 43 постановления).

Суд счел, что общая реакция внутригосударственных органов власти на осуществление заявителем его свободы выражения политического мнения по важному вопросу в рамках политического дискурса не была «необходимой в демократическом обществе».

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобе № 38427/11 *«Самсонов против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 9 июня 2020 года), которым установлено нарушение статьи 10 Конвенции ввиду привлечения заявителя к административной ответственности за нарушение порядка организации публичного мероприятия.

Как усматривалось из текста постановления, сторонами не оспаривалось, что заявитель был привлечен к административной ответственности в соответствии со статьей 20.2 КоАП РФ, а это являлось

вмешательством в его право на свободу выражения мнения, истолкованное в свете его права на свободу собраний. Такое вмешательство представляет собой нарушение статьи 10 Конвенции, за исключением случаев, когда оно «предусмотрено законом», преследует одну или более законных целей, указанных в пункте 2 статьи 10, и «необходимо в демократическом обществе» для достижения таких целей. Суд счел, что в настоящем деле вопросы соблюдения закона и наличия законной цели не могут быть отделены от вопроса о том, являлось ли вмешательство «необходимым в демократическом обществе» (пункт 23 постановления).

Европейский Суд обратил внимание на следующее: из решения суда апелляционной инстанции по делу заявителя следовало, что он был привлечен к ответственности за один из своих постов. Оспариваемый пост просто содержал информацию о сроках и месте проведения собрания в связи с темой, обсуждаемой в разделе форума на сайте. Поскольку внутреннее законодательство само по себе придавало значение различию между «информированием» и «проведением кампании», Суд не убедился в том, что внутригосударственные суды пришли к выводу, что простое указание даты, времени и места можно обоснованно считать «проведением кампании» (пункт 25 постановления).

Однако даже если предположить – пост заявителя в сети «Интернет» действительно призывал людей принять участие в конкретном публичном мероприятии и, следовательно, представлял собой уведомление о «проведении кампании» со стороны «организатора» мероприятия по смыслу и в нарушение действовавшей на тот момент статьи 10 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях»⁷, то Суд установил, что привлечение заявителя к административной ответственности нарушило его право на свободу выражения мнения по следующим причинам.

Суд отметил: ни власти, ни внутригосударственные суды в данном деле не упомянули каких-либо законных целей, преследуемых властями при осуждении заявителя. В частности, не было заявлено, что рассматриваемое публичное мероприятие представляло собой риск для общественной безопасности или могло привести к нарушению общественного порядка или преступлению. Нет никаких указаний на то, насколько важны были цели защиты национальной безопасности, здоровья или нравственности (пункт 27 постановления).

⁷ В период рассматриваемых событий статья 10 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» предусматривала, что после получения уведомления о публичном мероприятии организатор мероприятия или другие лица могут провести кампанию перед мероприятием, такую как информирование других о месте, времени цели или других аспектах, относящихся к подготовке и проведению предстоящего мероприятия, и призыв к гражданам принять участие в нем.

Что касается законной цели (целей), преследуемой запретом на проведение кампании до утверждения властями публичного мероприятия, то Суд, сославшись на свою практику, постановил следующее:

«... цель правил, регулирующих публичные мероприятия, и, в частности, процедуры уведомления и утверждения, состоит в том, чтобы позволить органам власти принять все необходимые меры для обеспечения безопасности как присутствующих на публичном мероприятии, так и других лиц ... В свою очередь, запрет на проведение кампании до согласования публичного мероприятия с компетентными органами направлен на то, чтобы граждане не были введены в заблуждение призывами к участию в публичном мероприятии, место и время проведения которого еще окончательно не определены... Учитывая, что и порядок уведомления о проведении публичных мероприятий, и запрет на проведение кампании до того, как процедура успешно завершена, очевидно, направлены на защиту прав других лиц, Суд допускает, что такие процедуры и правила также преследуют законную цель защиты прав других лиц» (пункт 28 постановления).

Суд счел, что нарушение процедуры организации публичных мероприятий (в связи с преждевременным проведением кампании перед мероприятием в данном деле) вряд ли привело к какому-либо вмешательству в права других лиц. Суд также отметил – внутригосударственные суды не приняли во внимание условия обсуждения на форуме сайта, посвященного различным вопросам, касающимся автомобилей, общего контекста темы форума и связанных с ним разговоров, их содержания, или участие заявителя в этом обсуждении, которое, как представляется, привело к предложению выразить протест посредством публичного мероприятия перед консульством Южной Кореи. За этим первоначальным предложением последовало официальное предложение на следующий день, когда местные власти были уведомлены о предполагаемом публичном мероприятии (пункт 30 постановления).

Суд также подчеркнул следующее – отсутствовали какие-либо основания полагать, что рассматриваемое мероприятие, хотя о нем еще не было подано уведомление и, тем более, оно не утверждено компетентным местным органом власти, не будет мирным. Действительно, рассматриваемый пост в сети «Интернет» не содержал призывов к совершению насильственных, хулиганских или иных незаконных действий во время любого публичного мероприятия. Кроме того, Суд отметил: в утверждении рассматриваемого публичного мероприятия впоследствии было отказано по формальным основаниям, а не потому, что оно представляло риск нарушения общественного порядка или преступления, или представляло риск для общественной безопасности или прав других лиц (пункт 31 постановления).

Судом установлено – заявитель разместил свои сообщения (в том числе те, за которые он впоследствии был привлечен к ответственности) в контексте обсуждения новостной статьи, касающейся уголовного дела в Южной Корее и связанных с ним политических и правовых вопросов⁸. У Суда не было оснований сомневаться в том, что данная тема являлась предметом общественного интереса и комментарии заявителя способствовали политическим дебатам, которые в данном деле привели к появлению идеи выразить свое отношение к происходящему посредством публичной демонстрации. В связи с этим Суд напомнил, – в соответствии с пунктом 2 статьи 10 Конвенции имеется немного возможностей для ограничения политических высказываний или выражения мнений по вопросам, представляющим общественный интерес, и для обоснования таких ограничений требуются веские основания. Суд также упомянул о важности того, чтобы органы государственной власти проявляли определенную степень толерантности по отношению к мирным незаконным собраниям (пункт 32 постановления).

Отсюда, по мнению Суда, следовало, что единственной фактической целью преследования заявителя в настоящем деле был выбор наказания за незаконное поведение. Принимая во внимание, что нарушение процедуры организации публичных мероприятий не создавало реального риска общественных беспорядков или преступлений и не имело возможности привести, а также фактически не привело к вредным последствиям для общественной безопасности или прав других лиц, этой причины было недостаточно, чтобы обосновать осуждение заявителя за призыв людей участвовать в мероприятии по актуальной проблеме, представляющей общественный интерес. При таких обстоятельствах Суд резюмировал: вмешательство в право заявителя на свободу выражения мнения не было «необходимым в демократическом обществе» (пункт 32 постановления).

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобам № 10780/07 и 54004/07 *«Ачилов и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 9 июня 2020 года), которым установлено нарушение статьи 10 Конвенции в связи с незаконным содержанием под стражей одного из заявителей (более подробная информация об указанном деле изложена ниже).

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобам № 10252/10 *«Басок против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 24 марта 2020 года), которым установлено нарушение статьи 10

⁸ Осуждение в Южной Корее одного из граждан указанного государства к четырем годам лишения свободы за хранение четырнадцати файлов MP3, содержащих музыку, например, гимны и марши Северной Кореи.

Конвенции в связи с необоснованным применением государственным служащим силы в отношении заявителя, пытавшегося собраться и распространить информацию о предположительно незаконном поведении указанного служащего (более подробная информация об указанном деле изложена ниже).

право на свободу собраний (прекращение проведения собрания (флешмоба) сотрудниками правоохранительных органов, привлечение лица к административной ответственности)

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобам № 10780/07 и 54004/07 *«Ачилов и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 9 июня 2020 года), которыми установлены нарушения статей 5, 6, 10 и 11 Конвенции в связи с незаконным содержанием под стражей одного из заявителей; ввиду нерассмотрения судом в рамках гражданского судопроизводства требований одного из заявителей о компенсации вреда, причиненного вследствие несоблюдения надлежащих условий содержания под стражей; в связи с привлечением одного из заявителей к административной ответственности в виде ареста за совершение мелкого хулиганства, а также за неповиновение законному распоряжению сотрудника милиции; из-за создания препятствий одному из заявителей участвовать в публичном мероприятии.

Один из заявителей, А., жаловался на нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции в связи с ограничением его свободы 22 апреля 2006 года.

Как усматривалось из текста постановления, стороны разошлись во мнениях относительно того, был ли заявитель «ограничен в свободе» по смыслу пункта 1 статьи 5 Конвенции. Отправной точкой для того, чтобы установить, имело ли место ограничение свободы, по мнению Суда, является конкретная ситуация, в которой оказалось соответствующее лицо; при этом необходимо учесть весь перечень факторов, возникающих в данном деле, например, тип, продолжительность, последствия и способ осуществления рассматриваемой меры. Различие между *лишением* и *ограничением* свободы проявляется лишь в степени или интенсивности, а не в природе меры или ее характере, отметил Европейский Суд. Защита от произвольного задержания, закрепленная в пункте 1 статьи 5 Конвенции, применяется к лишению свободы на любой срок, каким бы коротким оно ни было, продолжил Суд (пункт 72 постановления).

Суд отметил следующее – по смыслу Конвенции право на свободу является крайне важным в «демократическом обществе» для лица, теряющего право на защиту Конвенции по той единственной причине, что

оно смирилось с заключением под стражу. Заключение под стражу может являться нарушением статьи 5 Конвенции, даже если соответствующее лицо согласилось с ним (пункт 73 постановления).

Европейский Суд установил наличие достаточных доказательств, демонстрирующих, что первый заявитель, А., находился под исключительным контролем органов власти в день рассматриваемых событий, то есть он был «официально вызван по повестке органами власти и вошел в помещение, которое находилось под их контролем». Принимая во внимание фактические элементы дела и прецедентную практику, Суд указал следующее – заявитель был лишен свободы по смыслу пункта 1 статьи 5 Конвенции, по крайней мере, после первого допроса, когда он пытался покинуть отделение милиции и не мог свободно выйти (пункт 74 постановления).

Далее Суд должен был убедиться, отвечало ли ограничение свободы требованиям пункта 1 статьи 5 Конвенции. В этой связи он напомнил, что перечень исключений в отношении права на свободу, перечисленных в пункте 1 статьи 5, является исчерпывающим, и только узкое толкование этих исключений согласуется с целью этого положения, а именно – обеспечить, чтобы никто не был лишен свободы произвольно (пункт 75 постановления).

По мнению Суда, совершенно очевидно – лишение заявителя свободы не подпадало под подпункты «а», «d», «е» и «f» пункта 1 статьи 5. Оно также не охвачено было подпунктом «b», поскольку не было свидетельств или доказательств того, что он не выполнил какое-либо законное судебное предписание или не выполнил какое-либо обязательство, установленное законом. Власти не указали каких-либо правовых оснований для существования какого-либо правового обязательства в отношении подозреваемого или свидетеля подчиняться требованию о допросе в ходе доследственной проверки и, как следствие, какого-либо правового обязательства оставаться в распоряжении властей столько времени, сколько необходимо для этой цели. Оставалось неясным, имел ли заявитель процессуальный статус подозреваемого или свидетеля или другой статус (пункт 76 постановления).

Таким образом, оставалось определить, могло ли ограничение свободы относиться к сфере действия подпункта «с». Лицо может быть задержано в соответствии с подпунктом «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции в контексте уголовного судопроизводства с целью доведения его до компетентного правоохранительного органа по обоснованному подозрению в совершении преступления. «Обоснованность» подозрения, на котором должно основываться ограничение свободы, по мнению Суда, составляет существенную часть гарантии, изложенной в подпункте «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции. Кроме того, предпосылка «обоснованное подозрение» означает наличие фактов или информации, которые могли бы убедить объективного наблюдателя в том, что данное лицо могло совершить правонарушение, подчеркнул Европейский Суд. Однако то, что может считаться

«обоснованным», зависит от всех обстоятельств дела. Содержание подпункта «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции не предполагает, что следственные органы получили достаточные доказательства для предъявления обвинения во время ареста. Целью допроса в ходе задержания согласно подпункту «с» пункта 1 статьи 5 является дальнейшее проведение уголовного расследования путем подтверждения или опровержения конкретного подозрения, явившегося основанием для ареста. Таким образом, вызывающие подозрение факты не обязательно должны достичь уровня, необходимого для осуждения или даже для предъявления обвинения, которое происходит на следующем этапе уголовного процесса (пункт 77 постановления).

Европейский Суд обратил внимание – жалоба от 21 апреля 2006 года⁹ касалась расклеивания листовок (неизвестными лицами) о демонстрации, организатором и уполномоченным лицом которой были, соответственно, второй и первый заявители. Иными словами, не являлось необоснованным, что в связи с этим сотрудники милиции сочли необходимым также допросить заявителя. Однако было (и остается) неясно, какое конкретное преступление имело место в соответствии с Уголовным кодексом Российской Федерации. Суд также отметил, что в тексте повестки имелись ссылки на статью 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, предусматривающую перечень обстоятельств, которые необходимо установить в ходе уголовного судопроизводства. Ни в этой статье, ни в повестках не указывался процессуальный статус заявителя во время его пребывания в отделении милиции (пункт 78 постановления).

Из вышеизложенного следовало, подчеркнул Суд: «лишение заявителя свободы» не могло быть осуществлено «с целью его препровождения в компетентный правоохранительный орган по обоснованному подозрению в совершении преступления» по смыслу подпункта «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции. Не утверждалось, что ситуация, на которую подана жалоба, была должным образом обоснована в соответствии с последней частью подпункта «с» пункта 1 статьи 5 («когда это обоснованно считается необходимым для предотвращения совершения им преступления»). Следовательно, ограничение свободы, которому был подвергнут заявитель, не имело какой-либо законной цели согласно пункту 1 статьи 5 Конвенции и было произвольным.

Заявитель А. также жаловался на бездействие внутригосударственных судов, не рассмотревших его жалобу, касающуюся условий его содержания под стражей, что, по его мнению, представляло собой нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции.

⁹ 21 апреля 2006 года исполняющий обязанности сотрудника городского жилищного комитета подал в милицию заявление о возбуждении уголовного дела, в котором указывалось, что на стенах муниципальных зданий были размещены листовки, призывающие людей принять участие в митинге 22 апреля 2006 года.

Европейский Суд подчеркнул – внутригосударственные суды явно не отклонили требование заявителя о компенсации морального вреда в связи с условиями его содержания как не подлежащее судебному разбирательству в целом и, в частности, в рамках гражданского дела, в котором, по крайней мере, одна из претензий была связана с решением о привлечении заявителя к административной ответственности и последующим прекращением соответствующего производства согласно КоАП РФ (пункт 86 постановления).

Однако, изучив текст судебных решений, Суд не нашел признаков того, что предположительно неудовлетворительные условия содержания до суда или после суда сыграли какую-либо роль в определении компенсации морального вреда, тем более что они рассматривались как отдельное основание или требование в рамках гражданского судопроизводства, возбужденного заявителем. В частности, судебные решения не содержали фактического определения по этому вопросу или какой-либо соответствующей правовой оценки (пункт 87 постановления).

Таким образом, Суд пришел к выводу: требование об условиях содержания заявителя не было рассмотрено внутригосударственными судами. Это равносильно нарушению возможности для заявителя обратиться в суд. Даже если предположить, что упомянутое в судебном постановлении выражение «ввиду физических и душевных страданий заявителя и фактических обстоятельств дела» могло составить оценку судом первой инстанции условий содержания при определении размера компенсации, явным остается то, что в постановлении не содержалось какого-либо обоснования по этому аспекту дела, в частности, в отношении установленных фактов и их отношения к душевным страданиям заявителя. Это упущение равносильно тому, что суд не смог надлежащим образом указать причины, на которых было основано решение (пункт 88 постановления).

Заявитель А. жаловался и на то, что имело место нарушение статьи 11 Конвенции в отношении событий 22 апреля 2006 года, 9 мая и 10 августа 2007 года, а также соответствующих разбирательств, возбужденных им или против него.

Митинг 22 апреля 2006 года

Суд уже установил – содержание заявителя в отделении милиции было связано с митингом и что, по крайней мере, часть времени, проведенного им там, представляло собой незаконное ограничение свободы. Не доказано, что было непрактично или иным образом нецелесообразно продолжать беседу с заявителем в связи с жалобой на расклеивание листовок в другое время. Продолжительное ограничение свободы А. 22 апреля 2006 года не позволило ему принять участие в митинге и представляло собой «вмешательство» в соответствии со статьей 11 Конвенции. Это вмешательство не было

«предписано законом» и не доказано, что оно было «необходимо в демократическом обществе». Следовательно, Суд сделал вывод – имело место нарушение статьи 11 Конвенции (пункты 107–108 постановления).

Демонстрация 9 мая 2007 года¹⁰

Суд отметил следующее – при привлечении заявителя к административной ответственности за неповиновение законному распоряжению сотрудника милиции, а также за нарушение установленного порядка организации либо проведения публичного мероприятия, внутригосударственные суды не установили, является ли событие, которое на самом деле произошло, «групповым событием», и не опровергли довод заявителя о том, что он провел одиночное пикетирование. Суд счел: соответствующие фактические и правовые аспекты настоящего дела аналогичны тем, которые были рассмотрены по делу *«Новикова и другие против Российской Федерации»*. Изучив доводы сторон и имеющиеся материалы, Суд не нашел оснований для отступления от этих выводов. Даже если предположить, что было проведено массовое мероприятие, Суд решил – соответствующие фактические и правовые аспекты настоящего дела аналогичны тем, которые были рассмотрены по делу *«Лаиманкин и другие против Российской Федерации»* (пункт 461). Суд не нашел оснований для отступления от этих выводов и заключил, что в отношении А. было допущено нарушение статьи 10 Конвенции (пункты 111–112 постановления).

Демонстрация 10 августа 2007 года

Поскольку А. жаловался на прекращение демонстрации, Суд, во-первых, отметил, что он не может оценить действительность оснований,

¹⁰ А. сообщил городской администрации о своем намерении провести групповое пикетирование перед зданием городской администрации 9 мая 2007 года, то есть в государственный праздник.

4 мая 2007 года администрация направила ему письмо с указанием, что в тот же день, в это же время и в том же районе будет проходить военный парад и собрание учащихся средней школы. Администрация предложила заявителю провести мероприятие на площади в другом районе.

Однако заявитель решил – он проведет одиночное пикетирование, на которое не нужно получение разрешения от местной администрации.

Когда заявитель подошел к зданию городской администрации и поднял плакат, к нему подошли сотрудники милиции, которые пытались отобрать у него плакат. Позднее его увезли в отделение милиции.

9 мая 2007 года мировой судья привлек заявителя к административной ответственности в виде 7 суток ареста за неповиновение законному распоряжению. Суд счел, что заявитель не прекратил пикетирование, несмотря на распоряжение сотрудников милиции, не выполнил их приказ проследовать в отделение милиции и хватался за милицейскую форму, пытался скрыться.

В ходе отдельного разбирательства в тот же день, зачитав текст статьи 20.2 КоАП РФ и обобщив различные заявления, тот же судья признал заявителя виновным по статье 20.2 КоАП РФ и назначил ему наказание в виде штрафа в размере 1000 руб.

предоставленных мэром при возращении против демонстрации. В ходе внутреннего разбирательства было кратко упомянуто – демонстранты оказались на дороге, препятствуя движению и работам по реконструкции в непосредственной близости от здания. Однако Суд не убедился в том, что все соответствующие факты были надлежащим образом установлены в ходе различных процедур внутригосударственного разбирательства и подвергнуты тщательной оценке, чтобы установить, было ли прекращение демонстрации (или участия заявителя в ней) «необходимо в демократическом обществе», в частности, в силу любых уважительных причин, выходящих за рамки простой незаконности демонстрации, например, в целях защиты «прав других лиц» и «общественной безопасности». Суды не привели никаких причин, которые были бы уместными и достаточными для обоснования «вмешательства». Например, не было выяснено, нарушала ли демонстрация, и если да, то каким образом и в какой степени, обычную жизнь. Суд пришел к выводу, что в этой связи было допущено нарушение статьи 11 Конвенции в отношении А. (пункт 114 постановления).

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобе № 58954/09 *«Оботе против Российской Федерации»* (вынесено вступило в силу 25 февраля 2020 года), которым установлено нарушение статьи 11 Конвенции в связи с прекращением флешмоба¹¹ сотрудниками правоохранительных органов.

Заявитель жаловался, что прекращение властями флешмоба и преследование его за совершение административного правонарушения нарушило его право на свободу собраний, как это предусмотрено статьей 11 Конвенции. Заявитель утверждал – административное разбирательство против него, которое повлекло назначение ему штрафа, представляло собой чрезмерное вмешательство в его право на свободу собраний. Национальные суды не смогли тщательно расследовать соразмерность вмешательства и его

¹¹ Согласно Руководящим принципам о свободе мирных собраний (второе издание), подготовленным в 2010 году Группой экспертов ОБСЕ/БДИПЧ о свободе собраний, а также Европейской комиссией за демократию через право (Венецианская комиссия), «флешмоб возникает, когда группа людей собирается на территории в течение короткого времени, выполняет какую-либо форму действия, а затем расходится. Хотя эти мероприятия планируются и организуются заранее, в них не участвует какая-либо официальная организация или группа. Их планирование может происходить при помощи современных технологий (включая переписку сообщениями и в Твиттере). Суть флешмобов заключается в эффекте неожиданности, который мог бы быть испорчен предварительным уведомлением» (URL: <https://www.osce.org/odihr/73405?download=true>). Кембриджский словарь определяет понятие «флешмоб» как «группу людей, которые договариваются собраться вместе по электронной почте или по мобильному телефону, сделать что-то смешное или глупое и разойтись» (см. пункт 6 постановления Европейского Суда).

URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/flashmob>.

связь с какими-либо целями, направленными на защиту общественных интересов.

Европейский Суд неизменно рассматривал понятие «собрание» в качестве самостоятельного принципа. Учитывая формат собрания, который заявитель назвал флешмобом, Суд решил, что оно подпадает под понятие «мирное собрание», содержащееся в статье 11 Конвенции. Заявитель намеревался принять участие в этом собрании и никогда не отрицал этого; даже если он не считал его «публичным мероприятием» или «одиночным пикетированием», требующими уведомления в соответствии с применимым национальным законодательством, он осуществлял свое право на свободу собраний согласно статье 11 Конвенции. По мнению Суда, разгон собрания и последующие санкции являлись «ограничением» по смыслу пункта 2 статьи 11 и, таким образом, вмешательством в его право на свободу мирных собраний, охраняемое пунктом 1 указанной статьи. Таким образом, Суду оставалось лишь убедиться в том, было ли такое вмешательство «предусмотрено законом», преследовало одну или более законных целей согласно пункту 2 статьи 11 Конвенции, и было ли оно «необходимым в демократическом обществе» для достижения соответствующей цели или целей (пункт 35 постановления).

Как усматривалось из текста постановления (пункт 37), основное противоречие между сторонами заключалось в том, был ли применен Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» к собранию в форме флешмоба. Независимо от того, подпадает ли собрание в форме флешмоба под действие Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях», Европейский Суд по правам человека должен был установить, было ли соблюдено право заявителя на мирные собрания. С учетом приведенных ниже выводов отсутствовала необходимости решать, было ли вмешательство в право заявителя на свободу собраний «предусмотрено законом» или преследовало одну или несколько законных целей. Суд сосредоточился на определении того, было ли вмешательство «необходимым в демократическом обществе».

Исследуя вопрос о целесообразности оспариваемого вмешательства в право на свободу собраний в данном деле, Суд рассмотрел, были ли меры, принятые против заявителя, соразмерны законной цели, на которую ссылались власти, а именно «предотвращение беспорядков», и были ли причины, приведенные национальными властями для их оправдания, «уместными и достаточными». При этом он также оценил, отвечают ли эти меры насущной социальной потребности (пункт 40 постановления).

Суд напомнил: «во многих случаях незаконная ситуация, такая как проведение демонстрации без предварительного разрешения, не обязательно оправдывает вмешательство в право лица на свободу собраний. В то время как правила, регулирующие публичные собрания, такие как система предварительного извещения о таковых, являются важными для

беспрепятственного проведения общественных демонстраций, так как они позволяют властям свести к минимуму перебои в работе транспорта и принять прочие меры безопасности, их принудительное исполнение не может являться самоцелью. В частности, когда демонстранты не производят насильственных актов, важно, чтобы государственные органы демонстрировали определенную степень толерантности по отношению к мирным собраниям, если свобода собраний, гарантированная статьей 11 Конвенции, не будет лишена своего истинного смысла» (пункт 41 постановления).

Для Европейского Суда примечательно было то, что ничто в действиях заявителя и других участников флешмоба не могло быть описано как подстрекательство к насилию или отказ от демократических принципов. Они не делали ничего, что могло бы вызвать беспорядок или нарушение нормальной жизни. Действительно, 7 человек, стоящие в тишине с заклеенными скотчем ртами с чистыми листами бумаги в руках, вряд ли представляли угрозу общественному порядку. Таким образом, по мнению Европейского Суда, внутригосударственные органы власти не проявили необходимой степени терпимости к мирному собранию, по-видимому, игнорируя то, что Европейский Суд ранее подчеркивал во многих делах: обеспечение исполнения правил, регулирующих проведение публичных собраний, не должно становиться самоцелью (пункт 42 постановления).

Признав заявителя виновным в совершении административного правонарушения согласно части 2 статьи 20.2 КоАП РФ, суд не оценил уровень нарушения, вызванного собранием, если таковое было. Суд просто отметил, – заявитель не выполнил требование о предварительном уведомлении в отношении мероприятия, не являвшегося одиночным пикетированием. Европейский Суд по правам человека повторил, что принцип пропорциональности предусматривает необходимость соблюдения баланса между целями, перечисленными в пункте 2 статьи 11 Конвенции, с одной стороны, и интересами свободного выражения мнений посредством слова, жеста или даже молчания лицами, собранными на улицах или в иных общественных местах, с другой стороны. Суд отметил, что национальные судебные органы в ходе судебного разбирательства не стремились к достижению этого баланса, придавая больший вес формальной стороне незаконности предполагаемого пикетирования (пункт 43 постановления).

Суд также обратил внимание, что правонарушение, указанное в части 2 статьи 20.2 КоАП РФ, следовало классифицировать как «уголовное», принимая во внимание общую характеристику правонарушения, и с учетом того, что цель санкции имеет карательный и сдерживающий характер (все это, по мнению Суда, является характеристикой уголовной сферы). Соответственно, заявитель подвергся наложению санкций, которые, хотя и были классифицированы как административные в соответствии с национальным законодательством, но являлись «уголовными» по смыслу пункта 1 статьи 6 Конвенции. Однако мирная демонстрация в принципе не

должна подвергаться угрозе уголовного наказания и, в частности, лишения свободы. В случаях, когда санкции, примененные к демонстранту, носят уголовный характер, они требуют особого обоснования. Свобода принимать участие в мирном собрании имеет такое значение, что человек не может быть подвергнут наказанию – даже в виде его нижнего предела – за участие в демонстрации, которая не была запрещена, до тех пор, пока это лицо не совершает никаких предосудительных действий (пункт 44 постановления).

Европейский Суд не смог прийти к выводу о том, что право заявителя на свободу мирных собраний, охраняемое Конвенцией, перевешивалось любыми интересами государства-ответчика в ограничении осуществления этой свободы с целью предотвращения беспорядков. Основания, на которые ссылалось государство-ответчик, не соответствовали насущной социальной потребности. Даже если предположить, что они имели отношение к делу, их было недостаточно для того, чтобы показать, что вмешательство, в отношении которого подана жалоба, являлось «необходимым в демократическом обществе». Несмотря на пределы усмотрения национальных властей, Суд счел, что не было никакого разумного пропорционального соотношения между ограничениями права заявителей на свободу собраний и любой преследуемой законом целью (пункт 45 постановления).

В Верховный Суд Российской Федерации поступили неофициальные переводы постановлений Европейского Суда по правам человека по жалобам № 4505/08 *«Сокирянская и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 23 июня 2020 года) и № 31333/07 *«Дубровина и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 25 февраля 2020 года), которыми установлены нарушения статьи 11 Конвенции вследствие прекращения по инициативе сотрудников правоохранительных органов публичного мероприятия и административного задержания ряда заявителей.

В сфере гражданско-правовых отношений

право на получение компенсации вследствие незаконного лишения свободы

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобе № 10252/10 *«Басок против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 24 марта 2020 года), которым установлено нарушение пункта 5 статьи 5 Конвенции ввиду невозможности получения заявителем компенсации вреда, причиненного вследствие незаконного лишения свободы (более подробная информация об указанном деле изложена ниже).

право на свободу выражения мнения (вопросы привлечения лица к гражданско-правовой ответственности за клевету)

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобе № 42182/11 «*Толмачев против Российской Федерации*» (вынесено 2 июня 2020 года и вступило в силу 16 ноября 2020 года), которым установлено нарушение статьи 10 Конвенции в связи с привлечением заявителя к гражданско-правовой ответственности за клевету.

Заявитель жаловался на то, что два производства по делу о клевете в его отношении, в ходе которых были вынесены решения от 13 декабря 2010 года и от 5 мая 2011 года (в результате которых заявитель был привлечен к гражданско-правовой ответственности за клевету), представляли собой непропорциональное вмешательство в его право на свободу выражения мнения, гарантированное статьей 10 Конвенции.

Суд отметил, что некоторые элементы не оспаривались сторонами, а именно: решения районного суда от 4 октября 2010 года и 28 февраля 2011 года, оставленные без изменения областным судом, представляли собой вмешательство в право заявителя на свободу выражения мнения, гарантированное пунктом 1 статьи 10 Конвенции; данное вмешательство было «предусмотрено законом», в частности, статьей 152 Гражданского кодекса Российской Федерации; и оно «преследовало законную цель», то есть «защиту репутации или прав других лиц» по смыслу пункта 2 статьи 10 Конвенции. Следовательно, оставалось рассмотреть вопрос о том, было ли вмешательство «необходимым в демократическом обществе». В связи с этим Суд должен был определить, являлось ли вмешательство пропорциональным преследуемой законной цели, и были ли приведенные внутригосударственными судами основания достаточными и существенными. Суд также подчеркнул: вмешательство должно рассматриваться в свете важной роли свободной прессы в обеспечении надлежащего функционирования демократического общества (пункт 44 постановления)¹².

¹² Суд обратил внимание на то, что «[о]бщие принципы оценки необходимости вмешательства в осуществление свободы выражения мнения обобщены в постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «*Беда против Швейцарии*» (*Bédat v. Switzerland*), жалоба № 56925/08, пункт 48, ECHR 2016, среди многих других прецедентов. Общие принципы по статье 10 и свободе прессы обобщены в постановлении Большой Палаты Европейского Суда от 27 июня 2017 года по делу «*Сатакуннан Марккинапорсси Ой и «Сатамедиа» Ой против Финляндии*» (*Satakunnan Markkinapörssi Oy and Satamedia Oy v. Finland*), жалоба № 931/13, пункты 124–128. Установленные прецедентной практикой Суда стандарты, которым должно соответствовать вмешательство в осуществление свободы прессы, чтобы удовлетворить требование о необходимости, приводимое в пункте 2 статьи 10 Конвенции, были недавно обобщены в постановлении по делу «*Скудаева против России*»

Обращаясь к обстоятельствам настоящего дела, Суд отметил, что общим элементом в двух рассматриваемых разбирательствах по делу о клевете явилось то, что они следуют из статей в газете, где критиковались судьи. Суд повторил – вопросы, касающиеся функционирования системы правосудия, института, являющегося значимым для любого демократического общества, входят в общественные интересы. В связи с этим необходимо учитывать особую роль судебной системы в обществе. В качестве гаранта правосудия, признанного фундаментальной ценностью государства, которое руководствуется верховенством права, судебная система должна пользоваться доверием общественности. Следовательно, может возникнуть необходимость защитить это доверие от серьезных нападков, особенно ввиду того обстоятельства, что судьи, подвергавшиеся критике, обязаны проявлять сдержанность, не позволяющую им отвечать на критику. Тем не менее (за исключением случаев нанесения серьезного ущерба вследствие нападков, которые, по сути, являются необоснованными), принимая во внимание тот факт, что судьи являются частью основополагающего института государства, они могут как таковые подвергаться личной критике в допустимых пределах, и не только теоретическим, но и прямым образом. Действуя в своем официальном качестве, они, таким образом, могут подвергаться приемлемой критике в более широких пределах, чем обычные граждане (пункт 46 постановления).

Суд установил следующее: в обоих разбирательствах районный и областной суды ограничились (i) установлением того факта, что были распространены заявления, которые, как они расценивали, запятнали честь, достоинство и деловую репутацию двух судей, и (ii) замечанием о том, что ответчики не доказали правдивость заявлений; затем суды присудили очень значительные суммы в качестве компенсации морального вреда (пункт 48 постановления).

Суд отметил: в обоих судебных разбирательствах по делу о клевете внутригосударственные суды не учли некоторые, по мнению Суда, существенные элементы. Внутригосударственные суды не пытались уравновесить соответствующие позиции сторон разбирательства. Напротив, они придавали больший вес предположительно повышенной уязвимости М. и А. как судей и А. как сына судьи, игнорируя тот факт, что заявитель был журналистом. Суд повторил свою давно выработанную позицию

(пункты 33–34). Общие принципы, касающиеся предела свободы усмотрения и баланса права на свободу выражения мнения с правом на уважение частной жизни, изложенные в прецедентной практике Суда, были обобщены в постановлении Большой Палаты Европейского Суда от 7 февраля 2012 года по делу «*Аксель Шпрингер АГ против Германии*» (*Axel Springer AG v. Germany*), жалоба № 39954/08, пункты 85–95; постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «*Кудерк и Ашетт Филипаки Ассосье против Франции*» (*Couderc and Hachette Filipacchi Associés v. France*), жалоба № 40454/07, пункты 90–93, ECHR 2015 (выдержки); и в постановлении Большой Палаты Европейского Суда от 27 июня 2017 года по делу «*Меджлис Исламске Заеднице Брчко и другие против Боснии и Герцеговины*» (*Medžlis Islamske Zajednice Brčko and Others v. Bosnia and Herzegovina*), жалоба № 17224/11, пункт 77» (пункт 45 постановления).

относительно особой – действительно, ключевой – роли, которую судебные органы играют в демократическом обществе, и подчеркнул, что такая роль не может эффективно выполняться без определенной меры терпимости в отношении журналистской критики. Защита судьи от каждого критического замечания со стороны прессы – независимо от его обоснованности, уместности или выбора формулировки – вряд ли может рассматриваться как мера, способствующая верховенству закона. Кроме того, районный и областной суды не учли следующее: наличие или отсутствие добросовестности со стороны заявителей (в частности, с учетом документальных и свидетельских показаний, представленных в ходе разбирательства по делу о клевете, инициированного М.); цель, которую заявители преследовали при публикации статьи; наличие в оспариваемой статье вопроса, представляющего общественный интерес, или предмета общей обеспокоенности; и актуальность информации о предполагаемых коррупционных действиях судей. Не проведя анализ этих элементов, внутригосударственные суды не обратили внимания на важную функцию, которую пресса выполняет в демократическом обществе (пункт 49 постановления).

Повторяя, что необходимо проводить четкое различие между фактами и оценочными суждениями, учитывая, что наличие фактов может быть доказано, тогда как истинность оценочных суждений не подлежит доказыванию, Суд отметил – районный суд провел такое различие в решении от 4 октября 2010 года в отношении одного из оспариваемых заявлений. Однако, как установил Европейский Суд, внутригосударственные суды не рассмотрели тщательно доводы заявителя относительно остальных заявлений, которые выражали его личное, субъективное мнение, не подлежащее доказыванию. Соответственно, Суд не смог не отметить – внутригосударственные суды не применили в строгом смысле один из ключевых стандартов, установленных в его практике в отношении права на свободу выражения мнения (пункт 50 постановления).

Что касается необходимости обеспечения баланса между правом судей (или их наследников) на защиту репутации и журналистской свободой выражения мнения, то Суд установил – внутригосударственные суды просто заявили, что оспариваемые заявления запятнали честь, достоинство и деловую репутацию и не привели никаких оснований в подтверждение этого вывода. Районный и областной суды не сочли необходимым рассмотреть вопрос о том, можно ли рассматривать оспариваемые заявления как фактические утверждения, способные нанести ущерб чести или деловой репутации истцов, не говоря уже об их достоинстве. Как представлялось, их аргументация была основана на молчаливой позиции о том, что при любых обстоятельствах интересы, связанные с защитой чести и достоинства других лиц (в частности, лиц, наделенных государственной властью), преобладают над свободой выражения мнения. Не сопоставив два конкурирующих

интереса друг с другом, внутригосударственные суды, согласно позиции Суда, не смогли обеспечить необходимый баланс (пункт 51 постановления).

Суд также указал – заявитель жаловался на непропорционально большие суммы, присужденные истцам. В соответствии с последовательной прецедентной практикой Суда, касающейся исков о клевете против журналистов, характер и серьезность наложенных наказаний являются факторами, которые необходимо учитывать при оценке пропорциональности вмешательства. Кроме того, Суд должен был убедиться, что наказание не является формой цензуры, направленной на то, чтобы разубедить прессу от выражения критики. В контексте обсуждения темы, представляющей общественный интерес, такая санкция, скорее всего, удержит журналистов от участия в публичном обсуждении вопросов, влияющих на жизнь общества. Аналогичным образом она может помешать прессе выполнять свою задачу как распространителя информации и «сторожевого пса» общества. Соответственно, Суд счел целесообразным в обстоятельствах данного дела оценить, применяли ли внутригосударственные суды стандарты, установленные в его прецедентной практике в отношении соразмерности решения по делу о клевете в отношении представителя прессы, при определении сумм, присужденных М. и А. (пункт 52 постановления).

Суд обратил внимание – хотя он последовательно придерживался мнения о том, что присуждение убытков в связи с клеветой должно иметь разумное отношение соразмерности ущербу, нанесенному репутации, он не установил заранее определенную формулу, чтобы решить, было ли выполнено это требование. В некоторых делах Суд считал, что сумма была настолько внушительной в абсолютном выражении или по сравнению с решениями по другим делам о клевете, что повлекла за собой усиленное изучение ее соразмерности. В других делах Суд использовал ориентировочную сумму, чтобы оценить перспективу решения по конкретному делу о клевете, например: ежемесячный доход заявителя; минимальная месячная заработная плата; среднемесячная заработная плата; средний доход в определенной профессиональной сфере; или суммы, присужденные внутригосударственными судами в других видах разбирательств (пункт 53 постановления).

Обращаясь к обстоятельствам дела, Суд отметил – ни одна из сторон не сообщила ему о ежемесячном доходе заявителя и ресурсах, доступных ему в целом на момент рассматриваемых событий. Суд счел целесообразным рассмотреть присужденную М. и А. сумму в перспективе, использовать в качестве ориентировочной суммы минимальный размер оплаты труда, установленный и регулярно пересматриваемый Федеральным Собранием Российской Федерации. Суд установил: минимальный размер оплаты труда, применяемый в даты вынесения рассматриваемых решений внутригосударственных судов, составлял 4330 руб. Отсюда следовало, что в деле М. заявитель, как физическое лицо и как единственный собственник издательства, был обязан выплатить истице сумму, в 49 раз превышающую сумму минимального размера оплаты труда, а в деле А. – сумму, в 230 раз

больше этого размера. Таким образом, Суд счел – суммы, присужденные заявителем, были очень существенными (пункт 54 постановления).

Тем не менее, по мнению Суда, внутригосударственные суды уделили мало внимания вопросу пропорциональности присужденной суммы. При присуждении М. суммы 500 000 руб., которые должны быть выплачены как заявителем, так и издательством (то есть общая сумма 1 000 000 руб.), районный суд не только не упомянул о финансовом положении заявителя, он подчеркнул тот факт, что истица была судьей, придавая преимущественный вес позиции истицы. Хотя областной суд при рассмотрении в апелляционном порядке уменьшил присужденную М. сумму, он не определил, была ли пропорциональной сумма в размере 215 000 руб., которая должна быть выплачена М. заявителем как физическим лицом и как единственным собственником издательства, учитывая финансовое положение заявителя. Что касается компенсации в размере 500 000 руб., которую должен был выплатить заявитель и издательство в пользу А., то внутригосударственные суды двух инстанций сосредоточили внимание на следующем факте – истец должен был серьезно пострадать из-за нападков на репутацию его покойной матери. Районный суд отметил – он принял во внимание «финансовое положение каждого ответчика», но не указал каких-либо подробностей относительно этого положения. Областной суд просто повторил обоснование суда нижестоящей инстанции. Суд резюмировал – районный и областной суды, принимая решение о компенсации морального вреда, подлежащего выплате заявителем в двух судебных разбирательствах по делу о клевете, не обеспечили разумное пропорциональное соотношение ущербу репутации истцов, как того требуют стандарты, установленные прецедентной практикой Суда (пункт 55 постановления).

Суд пришел к выводу: причины, приведенные внутригосударственными судами в обоснование двух случаев вмешательства в право заявителя на свободу выражения мнения, хотя и имеют отношение к делу, не могут рассматриваться как достаточные. При оценке обстоятельств, представленных для их оценки, внутригосударственные суды не учли должным образом принципы и критерии, изложенные в прецедентной практике Суда, для достижения баланса права на уважение частной жизни и права на свободу выражения мнения. Они превысили предоставленную им свободу усмотрения и не смогли продемонстрировать, что имеется разумная взаимосвязь пропорциональности между двумя рассматриваемыми случаями вмешательства и преследуемой законной целью. Таким образом, по мнению Суда, не было продемонстрировано, что вмешательство было «необходимым в демократическом обществе».

В сфере гражданско-процессуальных отношений

право на доступ к суду (нерассмотрение судом требований о компенсации вреда, причиненного вследствие несоблюдения надлежащих условий содержания заявителя под стражей)

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобам № 10780/07 и 54004/07 «**Ачилов и другие против Российской Федерации**» (вынесено и вступило в силу 9 июня 2020 года), которым установлено нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции ввиду нерассмотрения судом в рамках гражданского судопроизводства требований заявителя о компенсации вреда, причиненного вследствие несоблюдения надлежащих условий содержания под стражей (более подробная информация об указанном деле изложена выше).

В сфере уголовных и уголовно-процессуальных отношений

запрет пыток, иного недопустимого обращения (применение насилия в отношении участников собрания; вопросы проведения эффективного расследования указанных случаев)

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобе № 61978/08 «**Казанцев и другие против Российской Федерации**» (вынесено и вступило в силу 16 июня 2020 года), которым установлены нарушения статьи 3 Конвенции в связи с насилием, осуществленным сотрудниками правоохранительных органов по отношению к отдельным заявителям, участвовавшим в собрании, непроведением эффективного расследования указанных случаев, а также статьи 11 Конвенции ввиду применения насилия.

Суд напомнил, что статья 3 Конвенции категорически запрещает пытки и бесчеловечное или унижающие достоинство обращение или наказание. Чтобы подпадать под действие статьи 3 Конвенции, жестокое обращение должно достигнуть минимального уровня степени жестокости, оценка которого зависит от всех обстоятельств дела, таких как: длительность такого обращения, его физические и психологические последствия и, в некоторых случаях, – пол, возраст и состояние здоровья потерпевшего (пункт 31 постановления).

Обращаясь к данному делу, Суд отметил – сторонами не оспаривался тот факт, что соответствующие заявители были избиты неустановленными

сотрудниками милиции в день митинга. Также не было сомнений в том, что нанесенные травмы являлись достаточно серьезными, чтобы достичь «минимального уровня степени тяжести», предусмотренного статьей 3 Конвенции. Суд также принял к сведению вывод властей о том, что во время рассматриваемых событий некоторые сотрудники милиции превысили свои полномочия и нанесли телесные повреждения ряду протестующих (пункт 31 постановления).

Суд пришел к выводу: насильственные действия милиции в отношении первого и третьего заявителей представляли собой бесчеловечное и унижающее достоинство обращение. Соответственно, имело место нарушение статьи 3 Конвенции в ее материальном аспекте в отношении первого и третьего заявителей.

Что касается вопроса предполагаемого отсутствия эффективного расследования, Суд напомнил, – если лицо предьявляет небезосновательную жалобу о том, что в нарушение статьи 3 Конвенции оно подверглось крайне жестокому обращению со стороны представителей государства, то по данному факту должно быть проведено тщательное и эффективное расследование (пункт 35 постановления). По мнению Суда, не каждое расследование должно обязательно прийти к заключению, совпадающему с версией событий, изложенной заявителем; любое расследование в принципе должно быть способным привести к установлению обстоятельств дела, и, если утверждения окажутся верными, выявить и привлечь к ответственности виновных.

Европейский Суд подчеркнул следующее: расследование жалоб о жестоком обращении должно проводиться тщательно. Это означает, что органы власти всегда должны тщательно пытаться установить хронику событий и не должны полагаться на поспешные или необоснованные выводы для прекращения расследования по делу. Они должны применять все разумные и доступные им меры в целях получения доказательств, относящихся к происшествию включая свидетельские показания и доказательства, полученные посредством судебно-медицинской экспертизы. Кроме того, Суд часто оценивал оперативность реагирования властей на жалобы в период, относящийся к обстоятельствам дела, придавая значение дате начала расследования, задержкам в сборе показаний и длительности периода, потребовавшегося для завершения расследования. Любые недостатки в расследовании, которые негативным образом сказываются на возможности установить причину повреждений или личность виновных, может привести к выводу о том, что расследование не отвечало соответствующим стандартам (пункт 37 постановления).

Как отметил Суд, заявители представили свои жалобы о жестоком обращении со стороны сотрудников милиции вскоре после рассматриваемых событий. Их обращения были подтверждены соответствующими медицинскими свидетельствами, указывающими на травмы различной

степени тяжести, полученные в результате предполагаемого жестокого обращения. Тем не менее, органам власти потребовалось два месяца, чтобы возбудить уголовное дело. Потребовалось еще 2 и 5 месяцев, чтобы предоставить первому и третьему заявителю статус потерпевшего в уголовном деле. Суду не было предоставлено правдоподобного объяснения этих задержек (пункт 38 постановления).

Европейский Суд также обратил внимание на то, что в результате 4-летнего расследования по уголовному делу органам власти не удалось установить сотрудников, ответственных за жестокое обращение. В качестве «объективного препятствия» для такого установления органы власти сослались на тот факт, что соответствующие сотрудники милиции носили шлемы и не имели опознавательных знаков на форме. Кроме того, в ходе расследования третий заявитель и очевидцы, участвующие в деле, утверждали, что они не могли установить сотрудников милиции, ответственных за нападения, поскольку на них были надеты закрытые шлемы, а на их форме не было опознавательных знаков. Ношение шлемов и отсутствие опознавательных знаков на сотрудниках милиции усложнило установление их личности. В то же время, первый заявитель и свидетель предоставили фотографии с изображением сотрудников милиции, которые могли быть причастными к рассматриваемым событиям лицами. Следователь проверил версию, предложенную первым заявителем, в то время как материалы, представленные свидетелем, были сочтены не относящимися к делу. Как усматривалось из постановления суда от 29 апреля 2011 года¹³, следователи допросили некоторых сотрудников милиции, ответственных за оцепление во время митинга, и изучили другие фото- и видеоматериалы. Однако материалы дела не содержали подробностей, касающихся этих сотрудников (их личности, местонахождение и роль во время жестокого обращения), или их заявлений. В них также не содержалось описания или анализа видео- и фотоматериалов, упомянутых в постановлении районного суда, признавшего законным постановление следователя о прекращении производства по уголовному делу в связи с невозможностью установления лиц, причастных к содеянному. Из материалов дела не усматривалось, что следственные органы предприняли какие-либо меры, помимо упомянутых выше, для установления личности сотрудников милиции, ответственных за нападения, или что заявители были должным образом проинформированы о сути расследования. Таким образом, материалы, находившиеся на рассмотрении Суда, не указывали на то, что расследование было тщательным или публичным (пункт 39 постановления).

¹³ 29 апреля 2011 года суд признал законным постановление следователя от 25 июня 2009 года о прекращении производства по уголовному делу в связи с невозможностью установления личности лиц, причастных к содеянному.

Заявители также жаловались на агрессивное и насильственное поведение со стороны милиции в отношении протестующих. Они ссылались на статью 11 Конвенции.

Суд обратился к принципам, установленным в его прецедентной практике относительно права на свободу мирных собраний, и принципу соразмерности вмешательства в такое право.

Суд напомнил, что вмешательство не обязательно выражается в полном запрете, установленном законом или фактически, но может представлять собой различные другие меры, предпринятые органами власти. Под термином «ограничения» пункта 2 статьи 11 должны пониматься как меры, предпринятые до или во время собрания, так и меры, примененные впоследствии, например, штрафные санкции (пункт 46 постановления).

По мнению Европейского Суда, физическое лицо не может быть лишено права на участие в мирных собраниях ввиду единичных актов насилия или совершения других наказуемых деяний в ходе демонстрации, если это лицо сохраняет мирные намерения или поведение. Даже если имеется реальная угроза того, что публичная демонстрация выльется в беспорядки вследствие развития событий, которые организаторы не в состоянии контролировать, такая демонстрация не выходит за рамки действия пункта 1 статьи 11 Конвенции, но любые ограничения, наложенные на такое собрание, должны отвечать требованиям пункта 2 указанной статьи (пункт 47 постановления).

Суд отметил, что заявители участвовали в рассматриваемом митинге и что их поведение было мирным. Не утверждалось, что они были среди лиц, которые, по данным властей, нарушали общественный порядок во время собрания (пункт 48 постановления).

Суд установил нарушение статьи 3 Конвенции в связи с жестоким обращением с первым и третьим заявителями со стороны сотрудников милиции во время публичного собрания. Он также указал следующее – внутригосударственные суды установили, что сотрудники милиции превысили свои полномочия во время операции во время митинга, поэтому Суд счел, что действия полиции и жестокое обращение представляли собой вмешательство в право заявителей, закрепленное статьей 11 Конвенции.

Суд готов был признать, что в данном деле применение силы милицией было «предусмотрено законом» и преследовало законную цель предотвращения беспорядков и совершения преступлений. Однако, учитывая приведенные выше выводы о жестоким обращении в отношении первого и третьего заявителей, а также выводы внутригосударственных судов о превышении полномочий сотрудниками милиции в ходе публичного собрания, Суд счел – вмешательство милиции и примененная сила были несоразмерными и нецелесообразными по смыслу пункта 2 статьи 11 Конвенции. По мнению Суда, применение силы милицией могло иметь сдерживающее воздействие и заставить заявителей и других лиц

воздержаться от участия в аналогичных собраниях (пункт 50 постановления).

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобе № 17054/08 **«Гремина против Российской Федерации»** (вынесено 26 мая 2020 года, вступило в силу 26 августа 2020 года), которым установлено нарушение статьи 3 Конвенции в связи с применением насилия к заявителю, а также из-за непроведения эффективного расследования указанного факта.

право на свободу и личную неприкосновенность (лишение свободы согласно закону, несвоевременное составление сотрудниками полиции протокола о задержании)

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступили неофициальные переводы постановлений Европейского Суда по правам человека по жалобам № 10780/07 и 54004/07 **«Ачилов и другие против Российской Федерации»** (вынесено и вступило в силу 9 июня 2020 года) и № 10252/10 **«Басок против Российской Федерации»** (вынесено и вступило в силу 24 марта 2020 года), которыми установлены нарушения пункта 1 статьи 5 Конвенции в связи с незаконным содержанием отдельных заявителей (более подробная информация о деле **«Ачилов и другие против Российской Федерации»** изложена выше, о деле **«Басок против Российской Федерации»** – ниже).

право на свободу выражения мнения (право собирать и распространять информацию, в том числе о предположительно незаконном поведении государственного служащего)

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобе № 10252/10 **«Басок против Российской Федерации»** (вынесено и вступило в силу 24 марта 2020 года), которым установлены нарушения пунктов 1 и 5 статьи 5 Конвенции ввиду незаконного лишения свободы заявителя, а также невозможности получения заявителем компенсации вреда, причиненного вследствие незаконного лишения свободы; статьи 10 Конвенции в связи с необоснованным применением государственным служащим силы в отношении заявителя, пытавшегося собрать и распространить информацию о предположительно незаконном поведении указанного служащего.

Ссылаясь на статью 5 Конвенции, заявитель жаловался на то, что он был подвергнут незаконному и произвольному ограничению свободы с

единственной целью – помешать ему принять участие в публичном мероприятии и распространить листовки, он был лишен возможности потребовать компенсации за лишение свободы.

Суд вновь напомнил – список исключений из права на свободу, закрепленного в пункте 1 статьи 5 Конвенции, является исчерпывающим, и только узкое толкование этих исключений согласуется с целью этого положения, а именно обеспечение того, чтобы никто не был лишен свободы произвольно (пункт 34 постановления).

По мнению Суда, требование об отсутствии произвола также предполагает, что как постановление о заключении под стражу, так и исполнение этого постановления должно отвечать целям, допустимым соответствующим подпунктом пункта 1 статьи 5. Если, например, содержание под стражей пытаются оправдать ссылкой на часть 1 подпункта «с» пункта 1 данной статьи, чтобы доставить лицо к компетентному юридическому органу по разумному подозрению в совершении преступления, то Суд настаивает на необходимости приведения властями некоторых фактов или информации, которые могли бы убедить объективного наблюдателя в том, что указанное лицо действительно могло совершить данное преступление. Трактовка понятия «разумное» зависит от совокупности обстоятельств, но факты, служащие основанием для подозрения, не обязательно должны быть столь же убедительны, как факты, которые необходимы для осуждения или предъявления обвинения (пункт 35 постановления).

В контексте подпункта «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции, продолжил Европейский Суд, строгое толкование термина «преступление» представляет собой важную гарантию от произвола. Согласно сложившейся прецедентной практике Суда это положение не допускает, чтобы политика общей превенции была направлена против отдельного лица или категории лиц, которые, как (справедливо или несправедливо) полагают органы власти, представляют опасность или склонны к совершению противоправных действий. Это основание для заключения под стражу всего лишь предоставляет Договаривающимся государствам средство предотвращения конкретного преступления, в частности, в отношении места и времени его совершения и его жертвы (пункт 36 постановления).

Как усматривалось из текста постановления Суда, внутригосударственные органы не установили, был ли заявитель задержан в связи с каким-либо конкретным преступлением, а именно – на основании конкретных фактов, касающихся совершения грабежа в определенном месте и в определенный день¹⁴. Более того, ни суды, ни какие-либо другие

¹⁴ Как следовало из текста постановления, в 11:00 31 января 2009 года заявитель и еще двое лиц были остановлены милицией и доставлены в отделение милиции, когда они шли, чтобы принять участие в публичном мероприятии в форме митинга, организованном местным отделением Коммунистической партии, начало которого было запланировано на 13:00. По словам заявителя, ему объяснили, что его остановили, поскольку его внешность

внутригосударственные органы власти не установили, отвечает ли внешность заявителя описанию кого-либо из многочисленных подозреваемых в совершении этих грабежей. Фактически не было составлено никакого письменного протокола с указанием соответствующих фактических и юридических элементов. Таким образом, Суд не смог согласиться с тем, что при первоначальном задержании заявителя и его доставлении в отделение милиции имелось «обоснованное подозрение» в том, что заявитель совершил конкретное преступление (пункт 37 постановления).

Также, по мнению Суда, отсутствовали какие-либо указания на то, что заявитель подозревался в каком-либо предосудительном поведении, которое могло представлять собой административное правонарушение. Поэтому неясно, почему суд счел, что в отношении заявителя была применена процедура доставления, предусмотренная статьей 27.2 КоАП РФ (пункт 38 постановления).

С учетом изложенного Суд пришел к выводу: задержание заявителя не было законным, поскольку оно не было «осуществлено с тем, чтобы он предстал перед компетентным юридическим органом по обоснованному подозрению в совершении преступления» в значении подпункта «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции. Также не утверждалось, что задержание считалось необходимым «для предотвращения совершения им преступления».

Что касается вопросов получения компенсации за незаконное и произвольное лишение свободы, то Суд напомнил – условия пункта 5 статьи 5 Конвенции применяются в случаях, когда есть возможность обратиться с ходатайством о присуждении компенсации в отношении лишения свободы, осуществляемого в условиях, противоречащих пунктам 1, 2, 3 или 4. Таким образом, право на компенсацию, предусмотренное пунктом 5, предполагает установление внутригосударственным органом власти или учреждениями Конвенции нарушения одного из этих пунктов. В этой связи эффективное осуществление права на компенсацию, гарантированного пунктом 5 статьи 5 Конвенции, должно быть обеспечено с достаточной степенью определенности (пункт 42 постановления).

В свете имеющейся информации Суд отметил: компенсация за ущерб, причиненный в результате задержания или содержания под стражей, может быть присуждена, если такие меры были признаны незаконными в соответствии с российским законодательством. Согласно позиции Суда, предполагается, что внутригосударственные органы, включая суды, будут интерпретировать и применять национальное законодательство с учетом Конвенции в толковании Суда. Суд установил – ограничение свободы заявителя не подпадало под действие какого-либо подпункта пункта 1 статьи 5 Конвенции. Не применив соответствующие стандарты, внутригосударственные суды не смогли должным образом рассмотреть обращение заявителя о незаконности действий милиции и, следовательно,

соответствовала описанию внешности подозреваемого в совершении неуказанного грабежа (пункт 15 постановления).

лишили его возможности подачи иска о компенсации, который согласно российскому законодательству мог бы быть основан на установлении незаконности действий милиции (пункт 44 постановления).

Заявитель также жаловался на то, что государство-ответчик должно быть привлечено к ответственности за нарушение статьи 10 Конвенции в связи с ненадлежащим обращением с ним со стороны государственного должностного лица, когда он (то есть заявитель) собирал материал, предназначенный для выпуска новостей.

По словам заявителя, увидев действия, которые могли быть восприняты как незаконное поведение высокопоставленного должностного лица (и учитывая, что, как сказал заявитель, это поведение могло послужить основой для потенциального новостного сообщения), заявитель попытался сфотографировать милицейский автомобиль с тем, чтобы использовать снимки в новостном сообщении¹⁵.

По мнению Суда, сбор информации является обязательным подготовительным этапом в журналистике, а также неотъемлемой и защищаемой частью свободы прессы. В делах, касающихся печатных СМИ, Суд устанавливал, что свобода выражения мнения включает публикацию фотографий (пункт 51 постановления).

Стороны не оспаривали и Суд признал тот факт, что заявитель находился на месте предстоящего митинга. Увидев потенциальный новостной повод в ситуации, которая могла быть воспринята как незаконное поведение государственного служащего, заявитель попытался сделать фотографии с явным намерением использовать их для репортажа, а именно в качестве независимого журналиста конкретного новостного интернет-портала (пункт 52 постановления).

Суд отметил – фотографирование осуществлялось в рамках свободы заявителя «получать и передавать информацию и идеи» (пункт 53 постановления).

Европейский Суд повторил, что свобода выражения мнения составляет одну из существенных основ демократического общества и является главным условием развития общества и самовыражения каждого из его членов.

¹⁵ 8 января 2009 года заявитель присутствовал на месте проведения публичного протеста в г. Екатеринбурге против повышения налога на импортные автомобили. По словам заявителя, он работал независимым журналистом новостного интернет-портала. Увидев, как Д. (высокопоставленное должностное лицо ГИБДД, которое отвечало за осуществление надзора в ходе мероприятия) припарковал свой автомобиль на пешеходном переходе, заявитель или еще несколько журналистов, присутствовавших на месте проведения мероприятия, начали снимать автомобиль на видео и делать фотографии. Заявитель также попытался сфотографировать Д. Предположительно, Д. выкрикивал непристойности заявителю, ударил заявителя по лицу, попытался схватить его за шею и повредил его фотоаппарат. По словам заявителя, эти действия происходили на глазах у журналистов и других должностных лиц. Этот инцидент был освещен в СМИ.

Свобода выражения мнения допускает ряд исключений, которые должны строго регламентироваться, и необходимость любых ограничений должна быть убедительно определена (пункт 59 постановления).

Задача Суда согласно статье 10 Конвенции в данном деле заключалась не в том, чтобы установить факт и степень уголовной ответственности государственного должностного лица, а в том, чтобы определить, было ли осуществлено «вмешательство» в свободу выражения мнения заявителя со стороны «государства» способом, который не был «предусмотрен законом» и/или не был «необходим в демократическом обществе» для достижения законной цели, указанной в пункте 2 статьи 10 (пункт 60 постановления).

Суд установил – государственный служащий применил физическую силу в отношении заявителя, чем также нанес ущерб его имуществу. Ничто не указывало на то, что применение силы было оправданным в обстоятельствах указанного дела, в том числе, по причине поведения самого заявителя. Изучив имеющиеся в его распоряжении материалы, Суд решил, что обстоятельства дела указывали на непропорциональное «вмешательство» в свободу заявителя распространять информацию и идеи в связи с его попыткой сфотографировать действия, которые он разумно считал незаконным поведением государственного должностного лица.

Неофициальные переводы текстов постановлений Европейского Суда по правам человека получены из аппарата Уполномоченного Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека – заместителя Министра юстиции Российской Федерации.

В текстах в основном сохранены стиль, пунктуация и орфография авторов перевода.